

Сабанов Олег

ИСТИНА В СТАКАНЕ

18+

Олег Александрович Сабанов

Истина в стакане

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67739031

SelfPub; 2022

Аннотация

Помутнение рассудка или великое откровение? Если существует истина, то где она скрыта? Герою рассказа невольно пришлось задаться подобными вопросами.

Олег Сабанов

Истина в стакане

– А теперь слушайте мою байку, в сравнении с которой поблекнут самые скандальные подробности ваших пьяных злоключений, – сказал Кирилл, удобнее устраиваясь на скрипучей койке.

В длинной палате барачного типа здания наркологического диспансера после ужина отдыхали семеро идущих на поправку пациентов, которых пришлось вызволять из крепких объятий зеленого змия усилиями врачей медицинского учреждения. Кого-то из них измученные родственники привезли сюда задыхающимся, кого-то остекленевшим, кого-то в слезах, а одного санитары доставили в состоянии алкогольного психоза – «белой горячки» или «белочки», как ласково называют это тяжелейшее помутнение сознания ревностные ценители крепких напитков. Тяжелого пациента привязали к кровати раме и, несмотря на громко исторгаемые протесты вперемешку со страшными угрозами и изысканной матерщиной, сутки вводили лошадиные дозы транквилизаторов, а когда он окончательно обмяк, принялись прокапывать ему системы с физраствором, гемодезом, глюкозой, солью и витаминами. Вскоре больному, который оказался сотрудником театрально-культурного центра с двумя высшими образованиями, ослабили жесткую вязку, а к третьему дню

он обрел свободу передвижения по мрачному коридору диспансера и сразу же отправился нетвердой походкой в туалет со своими бритвенными принадлежностями.

Кириюшу Сафонова врачи решили не фиксировать в горизонтальном положении, справедливо решив, что пациент не несет угрозы себе и окружающим, однако от назначенных ему инъекций седативных и снотворных препаратов он еле вставал с койки и то лишь по крайней нужде. И вот теперь, после вынужденного недельного пребывания в компании товарищей по несчастью и досыта наслушавшись их ежевечерних откровений, он взялся поведать им свою историю болезни.

Рассказ выздоравливающего Кирилла

В ночь на понедельник меня разбудила жуткая головная боль. Так и не сомкнув больше глаз до зари, я позвонил утром бригадиру и взял отгул за свой счет. Приятель Коля, с которым мы снимаем на двоих квартиру – золотой парень, перед уходом на работу сбегал в круглосуточную аптеку и принес мне упаковку сильных анальгетиков. Запив белую пилюлю водой, я накрылся одеялом с головой и стал ждать облегчения. Однако оно все не приходило, а боль, стальными тисками сдавливающая то лоб, то затылок, то виски, стала просто невыносимой. Что-то похожее мне пришлось лишь единожды испытать на следующий день после дембельской попойки, но тогда я хоть представлял, каким образом поправлять самочувствие. Видимо эти ассоциации подтолкну-

ли меня к тому, чтобы достать из шкафчика на три четверти пустую бутылку, вылить в стакан оставшуюся водку и выпить ее залпом, как горькую микстуру, проглотив предварительно еще две таблетки обезболивающего. Не сказать, что после этого мне здорово полегчало, однако мучения сделались более щадящими, поэтому я вскоре смог сварганить себе бутерброд и даже его съесть. В надежде закрепить небольшое улучшение самочувствия, мною было принято решение выбраться из дома за новой порцией горячительного, однако я опасался стать жертвой очередного приступа боли среди незнакомых людей вдалеке от спасительной кровати. И тут мне вспомнилась баба Маша со второго этажа, втихаря продававшая исключительно своим знакомым настоянный на грибах и травах самогон собственного приготовления. Озаренный догадкой, я быстро оделся, выскочил на лестничную площадку и уже через пять минут вернулся в квартиру с поллитровой бутылкой, обернутой бабой Маней в целях конспирации газетной бумагой. Мутновато-янтарная жидкость в водруженном на стол сосуде, мягко говоря, в рот не просилась, однако седовласая изготовительница за пару минут сделала настойке агрессивную рекламу, расписав ее как снадобье, способное при правильном приеме поднять умирающего со смертного одра.

Оказавшийся выходным для меня понедельник, представлялся в утренних лучах июльского солнца бесконечным праздником, никак не предназначенным для напряженного

труда и забот. Хотелось поскорее покончить с разыгравшейся ночью мигренью и окунуться в шумную атмосферу летнего города.

Наполнив до краев стограммовый стакан самогоном, я шумно выдохнул в сторону и осушил его в три глотка. Шибанувший поначалу в нос резкий сивушный дух быстро сменился послевкусием ароматных грибов, пахучего укропа и пряных диких трав. Правда, ни через минуту, ни через две, ни через десять тупая головная боль так и не рассеялась, что заставило меня приуныть, а потом в раздражении опрокинуть в себя еще один стакан пахучего пойла, машинально закусив его уже четвертой таблеткой анальгетика. На этот раз эффект от бабкиного, смешанного с обезболивающими препаратами хмельного зелья не заставил себя долго ждать. Сдавливающие череп тиски начали помаленьку ослаблять свою железную хватку, и вскоре уже казалось, что мою голову обнимают чьи-то большие теплые ладони. Тяжелая паутина тупой ноющей боли истончалась до невесомости и неудержимо рвалась, позволяя расширяющимся кровеносным сосудам в полной мере насыщать серое вещество кислородом. С каждой секундой я ощущал, как восстанавливаются все системы организма, в отлаженном механизме функционирования и взаимодействия которых произошел сбой. Но вскоре меня ждал еще более приятный сюрприз: состояние абсолютного здоровья, ясности сознания и бодрости оказалось, как следовало бы ожидать, вовсе не пределом стремитель-

ного процесса исцеления, а только его частью. Я неожиданно для себя обнаружил, как внутри пробуждается и нарастает что-то подлинное, сверхчеловеческое, доселе мирно спавшее в самом моем естестве. Точнее было бы сказать о постепенной замене никудышной демо версии меня самого на идеально проработанный во всех деталях люксовый вариант. Я мог теперь обонять, слышать, видеть, воспринимать неизвестные доселе запахи, звуки, краски, а также их бесчисленные оттенки и комбинации. К тому же мне стала открываться внутренняя природа, состав и структура окружающих предметов и материалов, из которых они были созданы. Но самое главное заключалось в том, что я вдруг понял суть самой игры, которую всегда считал своей жизнью. Нехитрый ее смысл заключался в элементарном развлечении своей вечной неистребимой божественной сущности, которая ради прикола захотела ощутить себя в шкуре хрупкого смертного существа, подверженного опасностям и болезням, а также испытывающего весь набор эмоций от печали до радости. Только из-за этой прихоти, я, как божество, всякий раз создавал, изменял, дорабатывал и разрушал образ себя вместе с видимым миром. Искусный акт творения начинался при пробуждении от глубокого сна. В долю секунды возводились гигантские декорации окружающей действительности, а в сознании возникала иллюзия прошлого, пропущенная сквозь призму личной истории. Причем по моей же изначальной задумке, оказавшись в захватывающем дух аттракционе, я должен был на

время позабыть о своей божественной сущности и увязаться в борьбу за выживание.

Нельзя сказать, что это открытие меня как-то поразило – скорее я почувствовал облегчение от восстановления утраченной справедливости и гармонии, словно пробудившись в уютной постели, миг разрушил мрачное сновидение.

Окрыленный чувством своего божественного величия и переполняемый могучей энергией, я пошел прогуляться по городу, не забыв выпить на посошок чудной настойки бабы Маши. Несмотря на утренние часы, июльское солнце уже здорово припекало и ноги меня сами повели по направлению к набережной, где летнюю жару обычно сбивал прохладный ветерок с реки. Легко ступая по разогретому асфальту, я прошел около половины пути к намеченной цели пока не поравнялся со скучавшей у разукрашенного холодильника продавщицей мороженого под большим бело-синим зонтом.

– Дайте мне, девушка, эскимо или пломбир! – улыбнувшись, обратился я к пятидесятилетней с виду женщине.

– Так пломбир или эскимо? – попыталась уточнить продавщица.

Мой трудный выбор все же пал на пломбир в вафельном стаканчике, и пока женщина доставала из холодильника упакованное в фольгу лакомство, я вспомнил о том, что пребываю сейчас в своей же собственной иллюзии, единственная цель которой увеселение, а ее многочисленные правила и запреты лишь призваны прочувствовать неведомую богу огра-

ниченность смертного существа.

– Благодарю! – бросил я с апломбом и гордо выхватил из рук продавщицы мороженое с видом сделанного ей одолжения.

– Шестьдесят рублей, – успела сказать она, слегка опешив от моих манер.

Однако я никак не отреагировал и стал спокойно спускаться по ведущим к набережной ступенькам.

– Эй, молодой человек, алло! Расплатиться забыл! – слышался нервный окрик за спиной.

Мне было интересно, как поведет себя созданный мною образ, если демонстративно нарушить правила игры, и где тот предел, за которым его пугающие уловки окажутся бессильны, поэтому я, как ни в чем не бывало, продолжил свой путь навстречу свежему дыханию реки. После несколько раз повторенных требований оплатить покупку, уже издали слышались угрожающие заверения в скором прибытии полицейского наряда и какого-то Ашота. Кроме того, женщина постоянно призывала гуляющего невдалеке мужчину с собачкой остановить меня, но тот остался глух к ее просьбам и только ускорил шаг. Я осознавал бессилие миражей причинить мне хоть какой-то вред, но восхищался их умением искусно маскировать этот факт самыми разными обстоятельствами и довольно про себя улыбался.

По залитому солнцем пустынному речному бульвару важно прогуливались сытые голуби, горели огнем окрашенные

золотой краской столбы фонарей, из невидимых глазу динамиков, словно гимн макушке лета, струилась жизнеутверждающая мелодия с вкраплениями детских голосов. Облокотившись на узорчатый забор, я долго смотрел вслед проплывающему по руслу белым лебедем круизному теплоходу, пока тот не скрылся из вида. Созданный мною летний пейзаж оказался настолько хорош, что я невольно возгордился своим безупречным вкусом и талантом творца.

Чуть поодаль справа желтел речным песком городской пляж с грибками, раздевалками и волейбольной площадкой. Недолго думая, я двинулся к нему и вскоре уже ступал босыми пятками по кромке воды там, где находился его детский сектор, прозванный «лягушатником» за пологий вход в воду. Отдыхающих было совсем мало, потому мой взор сразу привлекли две девушки лет семнадцати, распластавшиеся тюленями на расстеленном у покосившегося грибка покрывале. Одна из них – стройная брюнетка в черном раздельном купальнике лежала на животе и внимательно вглядывалась в свой телефон. Во избежание нетронутых загаром следов лифчик на спине был расстегнут, а трусы терялись между ягодиц. Ее подруга – бледная рыжая толстушка с веснушками на плечах, словно огромным усилием втиснутая в слитный купальник с цветочным узором полусидела, опершись на левую руку и подергиваясь в такт музыке из еле заметных наушников. Сам того не заметив, я через мгновение оказался возле покосившегося грибка и опустил на раскаленный

песок в трех шагах от них, но сразу же вскочил на ноги, не в силах терпеть проникающий сквозь тренировочные штаны жар. Надо сказать, девушки здорово взволновали мое естество, которое, однако, тоже являлось частью иллюзии. Как и в случае с пейзажем, я восхищался их манящими формами, мастерски сотворенными для привлечения самцов, и возносил хвалу самому себе. Признаться, в тот момент мне уже не особо хотелось испытывать иллюзию на прочность, скорее напротив – я жаждал остановить мгновение и обратить на свою персону внимание прелестниц. И тут меня буквально озарила мысль о том, что если я божество, пусть даже воплощенное в одного из персонажей иллюзии, то мне не составит труда оказаться в центре внимания двух своих удачных творений. Да что внимания! Они будут ползать на коленях и выполнят любую прихоть, когда поймут, что перед ними их создатель! Вот только как аккуратно открыть свой истинный лик и не ослепить их ненароком божественным великолепием? Хотя, вполне возможно, они могут принять меня за самозванца и послать на Голгофу или куда подальше.

Пока я размышлял над тем, как лучше снизойти до своих творений, они в свою очередь преспокойно поднялись и пошли купаться. Их пример оказался настолько заразительным, что мне осталось только стянуть потную майку, штаны, бросить их возле сандалет, и горделивой поступью творца, стараясь держать величественную осанку, направиться следом за ними. Вода оказалась прохладная, поэтому вой-

дя в нее по колени, я замер в нерешительности. Уже успевшие немного отплыть от берега купальщицы то и дело настороженно взирали в мою сторону, изредка переговариваясь между собой. Я осознавал свою божественную неотражимость и понимал насколько трудно ей противостоять, однако с непривычки все равно смутился и густо покраснел. Мне жутко не хотелось выглядеть простым смертным, которого легко вывести из равновесия, поэтому стараясь скрыть свое замешательство, я вернулся на берег, втянул в себя заплывший жирком живот, подтянул длинные сатиновые трусы и со всего разбега бросился в реку. Однако нырнуть красиво не вышло. Шумно плюхнувшись в воду, я ударился пузом о ее гладь и проплыл вперед несколько метров, причем вздувшиеся от скопившегося воздуха трусы поплававком оставались на поверхности. Когда по ухмыляющимся лицам подруг стало ясно, что я добился обратного эффекта, меня охватил самый настоящий гнев. «Какого рожна мне вечно приходится сносить насмешки, издевательства и бесконечные тяготы? – зло вопрошал я про себя неизвестно кого. – На стройке вечно помывают, платят гроши, девушки игнорируют, кредиты дают. Понятно, что таковы правила игры, выдуманнные мною самим для остроты ощущений, а в моей подлинной реальности нет даже понятия о проблемах! Однако ясно и то, что весь этот безрадостный балаган порядком надоел! Похоже, пора возвратиться в свою изначальную природу всемогущества, отдохнуть и не торопясь, имея в запасе вечность, до-

работать иллюзию таким образом, чтобы при ее следующем посещении хотя бы в равной мере испытывать печали и радости. Вот только как моментально выйти из надоевшей игры? Видимо, кнопка экстренного катапультирования здесь не предусмотрена для еще большего погружения в отрицательные эмоции. Что ж, можно попробовать вести себя как хозяин ситуации, ломая навязанные правила и разрушая тем самым иллюзию изнутри».

В сознании вдруг всплыла фраза: «Я тебя породил, я тебя и убью!», выдуманная одним из столпов русской литературы, который, в свою очередь, был порожден мною вместе с остальным иллюзорным миром. От осмысления этой непреложной истины разбавленный гордыней гнев чуть ослабил свою удушающую хватку, а окружающий пейзаж на мгновение вновь предстал во всем своем цветущем великолепии. «И увидел Бог, что это хорошо», – вырвалась у меня цитата из Священного Писания, автором которой в конечном итоге тоже был я.

Тем временем освежившиеся девушки с грациозностью Афродиты вышли на берег и застыли античными скульптурами под палящим солнцем, благосклонно предоставив ему право обсушить их мокрые тела. Вспомнив своей статус хозяина положения, а также решение покинуть надоевшее реалисти-шоу, я незаметно подкрался к ним сзади и обхватил одной рукой брюнетку за стройную талию, а другой смачно шлепнул рыжую по аппетитным округлостям ниже спины.

От удара ладонью пышка взвизгнула, инстинктивно отпрянув всем телом, словно укушенная, а ее подружка в черном купальнике так же автоматически с силой ткнула меня локтем в живот, даже не оглянувшись.

– Не пугайтесь, глупышки! Причинить вам зло я не в силах, потому что вы существуете только в моей гениальной фантазии! – сказал я отскочившим от меня девушкам, выравнивая дыхание.

– Только попробуй к нам подойти! – рявкнула пышнотелая девица, выставив вперед бледные пухлые кулачки.

– У-тю-тю, какие мы грозные! – расхохотался я, стараясь приблизиться к пятившимся от меня подружкам. – Гляжу, мои творения от злости только симпатичнее становятся!

– Маньяк, извращенец, урод! – завопила брюнетка из-за спины своей подруги, брезгливо косясь на прилипшее к моему телу непросохшее исподнее.

Проведя ладонью по мокрому сатину, я обнаружил под ним знакомое по утренним часам набухание и загоготал еще пуще. В этот момент мне на плечо жестко опустилась чья-то рука, я оглянулся и сразу же получил удар в переносицу, успев, однако, увидеть загорелое лицо в солнцезащитных очках. Несмотря на вспыхнувший в глазах сноп искр и пошатнувшееся равновесие, мне стало ясно, что за девушек вступился велосипедист в яркой желтой майке, отдохавший у лавочки под ивой вместе со своим железным другом, пока я прогуливался по берегу пляжа. «Может, оно и к лучшему, –

промелькнула в гудящей голове спокойная мысль. – Сейчас этот бронзовый спортсмен сделает из моего персонажа отбивную или совсем ухайдакает его, одним махом разотождествив божественную сущность с выдуманым образом».

Однако дело пошло не совсем так, как хотелось бы. Велосипедист схватил меня за шею, повалил животом на песок и, заломив правую руку, придавил спину коленом. Тяжело дыша, он стал хрипло читать нравоучения, щедро сдобренные ругательствами и угрозами. Смысл его слов меня интересовал мало, будто в тот момент он разговаривал с кем-то по телефону, даже особой боли не чувствовалось. Но сама экстремальная ситуация со вспышками эмоций, в центре которой я оказался, заставила меня вновь восхититься своим мастерством и полетом фантазии при создании столь правдоподобной иллюзии. Видимо понимание того, что творцу не пристало лежать лицом вниз под своим творением, вдруг придало мне невероятную силу, какая пробуждается только у буйнопомешанных. Изловчившись невероятным образом, я высвободил заломленную руку и, схватив ею горсть песка, бросил над собой туда, откуда доносился голос велосипедиста. Он сразу же умолк, а через секунду убрал колено со спины, дав мне возможность моментально вскочить на ноги и наблюдать, как поклонник здорового образа жизни бежит к фонтанчику, закрыв ладонями лицо. Тем временем брюнетка у грибочка спешно одевалась, пока ее подруга, уже натянувшая на купальник шорты, стряхивала песок с огром-

ного покрывала. Я решил не обострять ситуацию, так как уже получил некоторое удовлетворение, но, главное, понял, что разрушить кокон иллюзии подобным образом не удастся. Натянув штаны с майкой и обув стоптанные сандалеты, я, как ни в чем не бывало, покинул территорию пляжа, оставив за спиной умывающегося велосипедиста в желтой майке лидера.

Мне всегда нравилось бесцельно слоняться по городу: шагать вместе с толпой по проспектам, блуждать в неведомых закоулках, всматриваться с мостов в манящую тьму прудов, убивать время на еще пахнувших краской лавочках. Вот и на этот раз не замечая бега времени, я обошел несколько районов, изумляясь тому, насколько филигранно проработаны мельчайшие детали в декорациях иллюзорного мира. Во мне незримо боролось желание ничего не меня оставаться в привычном сновидении до его естественного завершения, продолжая плыть по течению и утешая себя присказками типа «будь что будет» со стремлением разом сбросить с себя поднадоевший морок и приступить к созданию его доработанной версии. И если в первом случае я больше пугался убегающих в будущее унылых однообразных дней в противовес привычному и потому сносному настоящему, то радикальный выход, напротив, обещал грядущее блаженство за счет страшного по меркам иллюзии поступка в настоящем.

Голодный, уставший, но так и не пришедший ни к какому решению, я вернулся домой. Варивший на кухне магазинные

пельмени Николай справился о моем самочувствии и предложил поужинать вместе с ним. Получив утвердительный ответ, он поставил на стол еще одну пустую тарелку под свое коронное блюдо, а я тем временем разлил по стаканам оставшийся самогон. Однако мой приятель, недоверчиво взглянув на мутноватую жидкость и вдохнув пару раз ее аромат, наотрез отказался вливать ее в себя, чем совсем меня не расстроил. Скорее наоборот, потому как сразу после своего опрокинутого стакана, я без размышлений опорожнил и его, надеясь заново испытать кристальную ясность сознания, начинающую мало-помалу тускнеть.

Вскоре Николай пододвинул ко мне тарелку с исходящими душистым паром пельменями, и я только успел поддеть вилкой самый разваренный из них, как взорвавшийся во мне вулкан энергий творения стал возвращать понимание сути всего и вся, не оставляя место сомнениям. Положив вилку с насаженным пельменем в тарелку, я встал из-за стола и, не обращая внимания на Колины недоуменные вопросы, направился на балкон. Вдохнув кишаший стрижами теплый воздух, я обзрел вечернюю улицу, словно свои ушедшие с молотка владения. Глядя с высоты, они казались почти идеальными, созданными божественной волей для своего развлечения на американских горках проживаемых событий, чувств и эмоций. Однако решение о переформатировании аттракциона с явным преобладанием леденящих кровь спусков в ущерб сулящим радость подъемам было окончательно при-

нято. Потому я уверенно вскочил на перила балкона и спокойно уселся, свесив ноги над бездной. В ту же минуту крепкие руки схватили меня за плечи и с силой потянули назад. Грохнувшись спиной на балконный пол, я увидел прямо над собой испуганную физиономию моего приятеля, который отдуваясь и пыхтя, принялся втаскивать меня в комнату. Я вдруг живо представил то, как обращались со своим творцом миражи иллюзорного мира сегодняшним днем и меня разразил дикий смех. Сквозь него я пытался объяснить встревоженному Николаю подлинной смысл придуманной мной, как божеством, игры и его призрачную роль в ней, но, похоже, тщетно. По-другому и быть не могло – ожидать понимания от призрака с четко прописанным стереотипом мышления было бы глупо. В свою очередь сам Коля настаивал на том, что мне следует срочно умыться холодной водой, а лучше принять контрастный душ. Когда, в конце концов, я нехотя согласился и, войдя в ванную комнату, взглянул на свой аватар в зеркале над раковиной, приятель закрыл за мной дверь на защелку и подпер снаружи ее стулом или шваброй. Сказать правду, я поначалу даже обрадовался такому повороту, ведь к финалу игры так и не успел пройти через маломальский опыт заточения, хотя тюрьма по мне плакала давно. Войдя в роль узника, я, пока не надоело, сидел на полу, но вскоре от избытка эмоций стал колошматить в дверь, угрожая затопить соседей снизу, если сию же секунду не обрету свободу, однако не удосужился никакой

ответной реакции. Отчаявшись выбраться, я уже стал приводить угрозу потопа в исполнение, как в ванную комнату ворвались двое полицейских, и, поработав дубинками, сковали меня наручниками за спиной. Через минуту смотря сквозь решетку патрульной машины на убегающий свет фонарей, я готовился в полной мере насладиться самой экстремальной зоной в моем парке аттракционов, однако вместо сизо был доставлен сюда и влился в вашу дружную компанию.

Кирилл откинулся на спинку больничной кровати и прикрыл глаза. Его спокойное бледное лицо напоминало по-смертную маску, которая магнитом притягивала взгляды притихших обитателей палаты. Казалось, что выговорившись, он сбросил с себя тяжкий груз и теперь обессиленный, с чувством выполненного долга проваливался в сон.

– Да, забористую настойку бабка продает! – подал голос высохший мужичок у окна. – Дурь-то твоя хоть выветрилась? Или медицина в таких случаях бессильна? – он наигранно захохотал, рассчитывая на поддержку других больных.

– Теперь стыдно вспоминать свои, мягко выражаясь, выкрутасы. Хоть в петлю! – процедил Кирюша сквозь зубы, не открывая глаз.

– Брось накручивать себя, парень! С кем не бывает! – вновь захохотал мужичок, поддержанный на этот раз соседями по палате. – Сейчас долечишься и будешь вновь как огурчик! Только пить завязывай. Совсем.

– К спиртному я теперь зарекся прикасаться, как и ко вся-

кой дури, изменяющей сознание, – серьезным тоном ответил Кирюша и тут же еле заметно улыбнулся. – Не для того я создавал такую грандиозную иллюзию, чтобы убегать из нее раньше времени.